

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Грамматика русского языка. Т. II — Синтаксис. — М., Изд-во АН СССР, 1954. (Ин-т языкознания АН СССР.) Ч. I — 704 стр. Ч. II — 444 стр.

В ноябре прошлого года вышел в свет второй том «Грамматики русского языка», подготовленный коллективом научных сотрудников Института языкознания АН СССР и посвященный синтаксису современного русского языка. Осуществлением этого капитального труда Институт языкознания завершил выполнение ответственного задания, возложенного на него Президиумом АН СССР в связи с назревшей необходимостью и запросами языковедов, преподавателей вузов, школ и всей советской общественности.

Об исключительной актуальности этого издания упоминалось в ряде рецензий на первый том академической «Грамматики русского языка», вышедший в свет в 1952 г. и содержащий материалы по фонетике и морфологии¹. «Академическая грамматика русского языка, которую так долго ждали, — писал Л. А. Булаховский, — наконец появилась, и приятно констатировать, что она может смело быть отнесена к выдающимся событиям советской лингвистической науки»².

Следует подчеркнуть, что завершение подготовки первого и второго томов академической грамматики протекало в условиях глубокой перестройки всей языковедческой работы в свете итогов свободной лингвистической дискуссии 1950 г. и опубликования труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Правда, составители не стремились «к углубленной теоретической постановке спорных и сложных теоретических вопросов...», не пытались «дать их разрешение» (т. I, стр. 4). Тем не менее в процессе обобщения результатов новейших исследований и переосмысления ряда явлений и категорий грамматики в свете марксистско-ленинского учения о языке авторский коллектив оказался вынужденным, не ограничиваясь изложением общеизвестных положений и правил, давать новые материалы, определения и терминологию, что относится как к первому, так и ко второму тому рецензируемого издания.

Издание второго тома академической грамматики ожидалось с особым нетерпением, так как до сих пор были недостаточно разработаны многие проблемы, относящиеся к синтаксису русского языка: имелось много спорных толкований и правил, не изученных явлений, категорий и процессов.

Было бы неправильным рассчитывать на то, что немногочисленный авторский коллектив за сравнительно короткий промежуток времени полностью преодолел серьезное отставание в разработке синтаксических проблем, тем более, что многое из того, что было подготовлено ранее, пришлось коренным образом переработать.

«В связи с расширением и углублением синтаксического учения о словосочетании, — читаем мы в „Предисловии“, — должен был подвергнуться существенным изменениям и план исследования, а также изложение тех вопросов русского синтаксиса, которые относятся к учению о простом предложении, его членах, его разновидностях, о сложном предложении и его типах» (т. II, стр. 3).

И тем не менее, несмотря на эти специфические трудности, авторский коллектив и редакционная коллегия представили подробное описание основных типов словосочетаний и предложений современного русского языка и тем самым в значительной мере разрешили поставленные перед ними большие и сложные задачи.

Две объемистые книги второго тома Грамматики содержат большой фактический материал и примечательные новые установления, правила и выводы. Можно не сомневаться в том, что деятели советской науки о языке, преподаватели вузов и школ, а также писатели, работники культуры и просвещения, ознакомившись с содержанием второго тома, найдут в нем немало ценного и необходимого как для пополнения зна-

¹ См. рецензии: В. П. Сухотина («Сов. книга», 1952, № 11), Л. А. Булаховского («Р. яз. в шк.», 1953, № 1), Э. И. Коротаевой (ВЯ, 1953, № 1); см. также «Замечания» С. П. Обнорского («Доклады и сообщения Ин-та языкознания [АН СССР]», VI, М., 1954) и сообщение Е. А. Иванчиковой (ВЯ, 1953, № 2).

² Л. А. Булаховский, [Рец. на кн.:] «Грамматика русского языка», т. I — Фонетика и морфология, М., 1952» — «Р. яз. в шк.», 1953, № 1, стр. 68.

ний о современном русском языке, так и для своей научной, творческой и педагогической работы.

Но не все в этом обстоятельном издании является правильным, четким и безупречным. Наряду с достоинствами в нем имеются и существенные недочеты, спорные утверждения и пробелы, о чем будет сказано ниже.

Следует надеяться, что в результате широкого общественного обсуждения второго тома Грамматики, доброжелательной и обоснованной критики его содержания и построения эти недостатки будут установлены и по возможности устранены при последующих переизданиях.

*

Том второй академической «Грамматики русского языка», посвященный вопросам синтаксиса, состоит из двух частей (и соответственно двух книг), составляющих в целом 1147 страниц текста. Часть первая, кроме обширного «Введения» (стр. 5—111), содержит раздел «Словосочетание» (стр. 115—352) и значительную часть раздела «Предложение» (простое двусоставное предложение, стр. 355—693). Вторая часть тома включает материалы по односоставному предложению (стр. 5—122), главы, посвященные обращению, вводным и вставным словам, словосочетаниям и предложениям (стр. 122—176); далее следуют разделы «Сложное предложение» (стр. 177—403) и «Прямая, косвенная и несобственно-прямая речь» (стр. 404—434).

Не имея возможности в краткой рецензии подвергнуть анализу все разделы и главы этого большого и содержательного издания, мы коснемся лишь тех особенностей его состава и построения, которые представляются наиболее примечательными.

Бросается в глаза обилие фактического материала, извлеченного из произведений дореволюционной русской и современной советской художественной литературы. Исключительно большой объем издания не вызывает особых упреков главным образом потому, что значительную его часть составляют примеры и иллюстрации как необходимые основание для выводов, обобщающих заключений и правил.

К сожалению, далеко не все произведения, послужившие источниками фактического материала, можно считать примерами образцовой литературной речи. Бряд ли, например, наряду с Пушкиным, Л. Толстым, Горьким, Шолоховым, Маяковским, следовало безоговорочно опираться на синтаксические конструкции, встречающиеся в произведениях таких писателей и поэтов, как Загоскин, Мей, Слепцов, М. Голодный, Панферов и др. Можно указать на недостаточное использование лучших произведений научно-деловой и публицистической речи и пр. Тем не менее большая часть синтаксических конструкций, приведенных авторами в качестве иллюстраций, представляет собой превосходный материал, взятый из произведений выдающихся представителей русской литературы, что, естественно, повышает степень убедительности многих обобщений и является несомненным достоинством Грамматики.

Особого внимания заслуживает собственно теоретическая сторона издания, обусловившая состав и построение второго тома, многие трактовки и определения.

Впервые в отделе грамматики, посвященном синтаксису, выделяется обширная, насыщенная фактами глава, в которой рассматриваются структура и функции словосочетаний (I, стр. 115—352), далее приводятся существенные сведения о порядке слов в предложении (I, стр. 660—693), по-новому определяются сущность и особенности неполных предложений (II, стр. 88 и сл.), вводятся специальные главы, характеризующие инфинитивные предложения (II, стр. 43 и сл.), вставные предложения, слова и сочетания слов (II, стр. 167 и сл.), сложные предложения условного типа (II, стр. 359 и сл.) и пр.

Обстоятельное «Введение» ко второму тому Грамматики, написанное акад. В. В. Виноградовым, не является только собранием предваряющих замечаний общего характера. Перед нами обширное, оснащенное фактическим материалом, развернутое изложение основных принципов синтаксической теории применительно к русскому языку.

Обратившись к содержанию «Введения», читатель найдет в нем углубленную характеристику состояния и важнейших задач русской синтаксической науки, критическую оценку сложившихся к нашему времени представлений и правил, оригинальное решение ряда назревших теоретических задач в свете итогов лингвистической дискуссии 1950 г. и ближайших перспектив развития советского языкознания. По этому, прежде чем говорить о достоинствах и недостатках основной части второго тома, представляется необходимым внимательно отнестись к материалам вводной главы, содержащей, по нашему мнению, важнейшие теоретические основы издания.

В самом начале «Введения» выясняются основные проблемы соотношения и взаимодействия морфологии и синтаксиса. В результате тщательного анализа употребления слов и форм слов русского языка четко формулируются основные черты морфологии и синтаксиса как составных частей грамматики.

«... Морфология, — говорится во «Введении», — изучает слова и их формы в их внутреннем единстве и в их различиях, зависящих от принадлежности разных типов

слов к разным системам словоизменения, к разным морфологическим и отчасти словообразовательным категориям, к разным частям речи; синтаксис же захватывает в сферу своего рассмотрения слова и формы слов с точки зрения их сочетаемости друг с другом и с точки зрения их функций в составе словосочетания и предложения, которые и составляют основной предмет синтаксиса» (стр. 9). И далее: «морфология рассматривает формы отдельных слов в их образовании и значении, а синтаксис — употребление форм отдельных слов в словосочетаниях и предложениях» (там же).

Много существенных, очень точных наблюдений и характеристик содержат главы «Введения», в которых приводится описание структуры и значения словосочетаний, их соотношения и взаимодействия с предложением, с фразеологическими единицами и отдельными словами. Примечательны указания на функциональную связь и синонимический параллелизм разных видов словосочетаний (стр. 62 и сл.); эти существенные наблюдения и указания должны быть приняты во внимание при разработке сложных проблем синтаксической синонимии в русском языке.

Очень краткие замечания о синонимических соответствиях словосочетаний подаются и в основных разделах первого тома Грамматики (стр. 159, 174, 182, 197, 201, 214, 221 и др.). Обобщение и анализ этих существенных наблюдений — очередная задача языковедов-русистов.

Столь же богаты содержанием и выводами главы «Введения», в которых рассматривается предложение как предмет синтаксиса, предикативность и интонация сообщения как основные грамматические признаки предложения, вопрос о главных и второстепенных членах предложения и, наконец, сложное предложение.

«Предложение — это грамматически оформленная по законам данного языка целостная единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли» (стр. 65).

Это, на первый взгляд, слишком общее определение предложения здесь же дополняется указаниями и на другие его особенности, свойства и признаки (коммуникативность, модальность, порядок слов, интонация), что в целом образует довольно подробную и всестороннюю характеристику предложения как «главной грамматической формы выражения и сообщения мысли в процессе общения».

Конструктивно-грамматические признаки предложения — это интонация сообщения и предикативность; «... интонация является грамматическим средством оформления предложения и выступает в качестве одного из постоянных характерных признаков предложения» (стр. 77). Однако интонация не является единственным и всеобщим грамматическим признаком предложения; «интонация сама по себе, т. е. вне словесного содержания, вне отношения речи к действительности, мысли не выражает... Без слов она может быть выразительной, но не является содержательной, т. е. не служит материальной оболочкой мысли» (стр. 78).

В связи с этим особое значение приобретает второй, весьма существенный конструктивно-грамматический признак предложения — предикативность, как необходимый фактор и условие образования всякого предложения: «... значение и назначение общей категории предикативности, формирующей предложение, заключается в отнесении содержания предложения к действительности» (стр. 80).

При этом грамматическое значение отнесенности содержания предложения к реальной действительности, как правило, выражается не только в синтаксической категории модальности, но и в синтаксических же категориях времени и лица. «Именно эти категории, — говорится во «Введении», — придают предложению конкретность и актуальность основного средства общения» (стр. 80).

Определение модальности, времени и лица как синтаксических категорий обусловлено тем, что распространенное в ряде грамматических исследований стремление выдвинуть глагол (*verbum finitum*) в качестве необходимого средства грамматической структуры предложения признается неправильным и необоснованным: «... при таком чисто морфологическом подходе, — утверждает во «Введении», — синтаксическое учение о предложении в целом получало односторонний и искаженный характер: оно не отражало всего многообразия структурно-грамматических форм предложения в русском языке» (стр. 78). По мнению автора, синтаксические категории, связанные со структурой предложения, только базируются на морфологических категориях, но далеко выходят за их пределы.

«Категория времени и модальности, — читаем мы далее, — а также — в широком синтаксическом понимании — и категория лица, т. е. категории, выражающие отношение сообщения к действительности и подводимые под общее понятие „предикативности“, могут быть свойственны предложению в целом — независимо от наличия глагола в его составе» (стр. 79).

Несмотря на явное преобладание предложений с глагольным скажем во всех видах и стилях современного русского языка (что, разумеется, нельзя игнорировать при описании его синтаксического строя), вряд ли можно сомневаться в том, что наличие глагола в предложении вовсе не является обязательным для грамматической структуры всех типов предложения. Распространенные в языке номинативные предложения (*Ночь. Зима. Ясное утро*), побудительные (*Тише! Огонь!*

Воды! К оружию!), слова-предложения (*Да. Нет. Конечно. Еще бы*) и т. п., хотя и не включают глагола-сказуемого, все же являются предложениями разной степени зависимости от ситуации и окружающего их контекста.

И тем не менее далеко не все в определении предикативности и способов ее выражения в русском языке, как это представлено в Грамматике, является бесспорным, ясным и убедительным.

Что касается категории модальности, выражающей отношение сообщения к действительности и расчленяющей общее значение отнесенности сообщения к действительности, то она, несомненно, присуща этим предложениям, как и всем другим, поскольку данное отношение легко выявляется не только из контекста и ситуации, но часто поддерживается употреблением модальных частиц и модальных слов, а также особыми формами интонации.

Значительно труднее доказать наличие в предложениях подобного типа каких-либо явлений, которые выражали бы синтаксические значения времени и лица. По поводу синтаксического значения времени во «Введении» говорится о том, что в предложениях типа *Огоны!*, *Брр!* (в значении «холодно» или «я озяб»), *Пора, пора!*, *Мину ту внимания!*, *Тишина!* и т. п. оно создается «ситуацией и контекстом» (стр. 81—82). В вопросо-ответных предложениях «значение времени нередко (?) предопределено предшествующим вопросительным предложением» (стр. 82).

Не отрицая возможности установить из контекста или ситуации значение времени в приведенных предложениях, приходится указать на недостаточность характеристики тех сфер, которые могли бы послужить источником подобных установлений.

Любопытно, что в соответствующих разделах и главах основной части (см. «Побудительные предложения», I, стр. 366; «Номинативные предложения», II, стр. 59; «Неполные предложения», II, стр. 107 и сл.), несмотря на большое количество приведенных примеров, о выражении в них синтаксического значения времени даже не упоминается.

В особенности затруднительным оказывается выявление синтаксического значения лица в предложениях безличных, номинативных, неполных, инфинитивных и т. п. «Так как предложение как основная форма речевого общения, — говорится во «Введении», — служит одновременно и средством выражения мысли для говорящего лица и орудием понимания высказанной мысли для лица слушающего, то структура предложения, естественно, включает в себя и разные способы выражения синтаксической категории лица» (стр. 82). При этом «в строго определенных типах предложений отношение к лицу может выражаться также посредством особых интонаций, например, возбуждения, побуждения, просьбы, приказа или упрека, желания и т. п.» (там же). В качестве иллюстрации приводятся такие предложения, как: *И, полно, что за счеты...* (Крыл.), *А вам, искателям новостей, не нежиться и не зевать бы...* (Гриб.), *Полно врать пустяки...* (Пушк.), *Прощай, свободная стихия!* (Пушк.), *Вон!*, *Прочь!*, *Сюда!*, *Долой поджигателей войны!* и т. п.

Установление способов выражения синтаксической категории лица в такого рода предложениях вряд ли осуществимо без специальных исследований, изучения контекста, обстановки, в которой произносится речь, и соответствующих типов интонации. Совершенно очевидно, что здесь необходим анализ большого количества предложений различных структур, установление типических явлений и закономерностей, обусловленных характером текста. Только в этом случае выдвигаемое положение могло бы получить необходимые фактические основания.

Между тем авторы соответствующих разделов и глав основной части издания даже не пытаются реализовать то понимание предикативности и способов ее выражения, которое излагается во «Введении». Так, характеризуя значение безличных предложений, авторы ограничиваются указанием на то, что в этих предложениях «главный член в личной форме безличного глагола (?) или предикативного наречия (а также безлично употребленной формы личного глагола) выражает проявление каких-либо процессов или состояний независимо от активного деятеля, от «субъекта действия» (при личных глаголах обозначающего формой именительного падежа)» (II, стр. 12—13; разрядка наша. — Авторы). Таким образом, синтаксическая категория лица в безличных, а также в безглагольных предложениях с с т а в и т е л я м и не усматривается, что противоречит соответствующим утверждениям теоретической части издания.

Нельзя не согласиться с тем, что выражение предикативности в разных типах предложений современного русского языка не является одинаковым. Но для того, чтобы изучить разные виды и способы этого выражения, вскрыть соотношение и взаимодействие категорий модальности и времени, отношение действия к лицу действующему и говорящему, — необходимы углубленные частные исследования. При этом было бы не бесполезным дифференцировать изучаемые синтаксические конструкции в зависимости от характера, содержания и формы речевой деятельности. Можно не сомневаться, например, в том, что виды предложений, типичные для разговорной речи и воспроизводимого на письме диалога, окажутся нетипичными для письменного изложения монодиалогической речи, и наоборот. Раздельное изучение синтаксических

структур в соответствии с формами речевой деятельности и характером текста помогло бы установить и те различия в способах выражения предикативности, которые так существенны для понимания конструктивно-грамматических признаков предложения.

*

Особого внимания, как уже отмечалось, заслуживает специальный раздел второго тома Грамматики, посвященный словосочетанию. Этот обширный раздел, занимающий в первой части тома 240 страниц текста, предшествует разделу «Предложение» и распадается на шесть неравных по объему глав в соответствии с классификацией словосочетаний по характеру стержневого (грамматически господствующего) элемента или «главного слова»: словосочетания с глаголом в роли главного слова, словосочетания с именем существительным, с именем прилагательным, с местоимением, с именем числительным и с наречием.

Имея в виду функциональную и структурно-грамматическую соотнесенность словосочетаний разных типов с именами существительными, прилагательными, местоимениями и числительными (ср.: *скрипач из ансамбля, лучший из студентов, кто-то из делегатов, один из сотрудников*), их обычно объединяют в группу именных словосочетаний (ср. «Введение», стр. 13). Таким образом, деление словосочетаний по структурно-грамматическим признакам должно было бы дать не шесть, а всего три категории или группы: именные, глагольные и наречные (адвербиальные). Установление шести разновидностей обусловлено, видимо, стремлением авторов Грамматики к более детальной, дифференцированной характеристике разных типов словосочетаний.

Следует полностью согласиться с автором «Введения», что «вопросы о грамматической сущности словосочетания, об объеме словосочетания, о его форме и значении, о его отношении к предложению и слову в разных языках еще остаются мало изученными» (стр. 10). Слишком расширенное понимание словосочетания в трудах акад. Ф. Ф. Фортунатова, проф. А. М. Пешковского, проф. М. Н. Петерсона, игнорирование этой категории у других языковедов, элементы смешения словосочетания и предложения и т. п. — таковы, по мнению составителей, основные недостатки и ошибки в определении сущности словосочетания и его специфики.

Представляется необходимым, хотя бы в самых общих чертах, коснуться того понимания категории словосочетания, которое излагается в «Введении». «Изучая правила сочетаемости слов и форм слов, — читаем мы там, — синтаксис, естественно, прежде всего обращается к тем грамматическим единствам, которые, возникая из сочетания слов по законам или правилам данного языка, выражают в составе предложения единые, хотя и расчлененные значения. Такого рода грамматические единства, словосочетания, состоящие... не менее чем из двух полнозначных слов, являются строительным материалом для предложения. Словосочетания только в составе предложения и через предложение входят в систему коммуникативных средств языка. Но рассматриваемые вне предложения, как строительный материал для него, словосочетания так же, как и слова, относятся к области номинативных средств языка, средств обозначения предметов, явлений, процессов и т. п.» (стр. 10).

Многое в этом определении представляется бесспорным и актуальным для изучения синтаксического строя как русского, так и других языков. Безусловно правильно указание на то, что «в правилах сочетания слов, в закономерностях образования разных видов и типов словосочетаний ярко проявляется национальная специфика языка» (стр. 11).

В последующих главах «Введения» излагаются особенности грамматической структуры именных, глагольных и наречных словосочетаний, определяются их типы по отношению к частям речи и к функционированию в предложении, по составу и объему, по семантическим классам и словообразовательным гнездам. Много внимания уделяется выяснению характера и видов синтаксических отношений между словами в словосочетании. Нельзя не согласиться с тем, что в пределах каждого из трех видов связей — согласования, управления и примыкания — у нас объединяются «очень далекие и очень различные синтаксические явления» (стр. 23). Ср., например, уподобление в роде, числе и падеже (*высокого дома*), уподобление только в падеже (*пяти книг*), уподобление «приложений» (*в деревне Выселки*), уподобление форм прошедшего времени глагола форме именительного падежа подлежащего в единственном и множественном числе (*книга лежала и книги лежали*) и пр. Весьма существенные наблюдения сделаны в области взаимодействия грамматических категорий и лексических значений слов в формах словосочетаний, в установлении правил их образования и пр.

Все эти наблюдения и выводы, в значительной мере определившие интерес и ценность основной части тома, заслуживают специального анализа и характеристики. Имея в виду необходимость коснуться и других разделов книги, ограничимся лишь некоторыми замечаниями по вопросам, которые представляются нам спорными.

Если внимательно оглянуться к содержанию приведенного выше пространного определения и принять во внимание последующее изложение, нетрудно заметить настоящее подчеркивание тезиса об отличиях словосочетания от предложения: «... сло-

словосочетание и предложение — качественно различные категории синтаксиса. Слово-сочетание, в отличие от предложения, совсем не является единой единицей языкового общения и сообщения. Для структуры словосочетания не характерны и не типичны те своеобразные так называемые субъективно-объективные синтаксические категории (вроде категорий лица, времени и модальности), которые обуславливают относительно законченность сообщаемой мысли в речи» (стр. 11).

Признавая многие отличия словосочетания от предложения, нельзя не отметить ряда вопросов, возникающих в связи с необходимостью вскрыть сущность и специфику данной синтаксической категории.

Чем же является словосочетание по отношению к предложению? к слову? к фразеологическому единству? Где, почему и в какой речевой обстановке словосочетание возникает? Каковы факторы, определяющие его употребительность, продуктивность, его семантическое развитие и структурное усложнение?

Ответ на эти вопросы заключен, повидимому, в указании на то, что словосочетание, являясь номинативным средством языка, средством обозначения предметов, явлений и процессов, представляет собой, как и слово, строительный материал для предложения. При этом «в структуре предложения словосочетания могут быть раздвинуты или расслонены в силу тех или иных стилистических, эмоционально-смысловых мотивов. Они могут сливаться или пересекаться друг с другом. Они могут подвергаться изменениям, типическим для тех или иных видов распространения и усложнения предложений» (стр. 47).

Выходит, что так называемые свободные словосочетания не возникают в предложении в связи с потребностью выразить отношения и связи явлений реальной действительности, а так же, как и слова или фразеологизмы, уже существующие в виде строительного материала, в виде готовых словесных конструкций, находящихся в арсенале языковых средств. Возникновение тех или иных словосочетаний связано, по мнению автора «Введения», не столько с условиями и особенностями предложения, сколько с внутренней способностью слов определенных лексико-грамматических разрядов к распространению другими знаменательными словами, способностью, которая определяется их семантикой и морфологической структурой.

Простое словосочетание, в свою очередь, способно, не теряя своего номинативного единства и своих семантических функций, распространяться другими словами по законам данного языка и в усложненном виде выражать новое, еще более расчлененное, конкретизированное, но единое, хотя и сложное, значение, напр.: *спросить о здоровье, спросить о здоровье сына...; спросить с волнением об исходе состязания, спросить с глубоким волнением об исходе сегодняшнего состязания*» (стр. 20).

Мы не приводим всех материалов и высказываний, развивающих взгляд на словосочетание как на строительный материал для построения предложений, как на номинативное средство языка. Но и из сказанного можно установить стремление авторов Грамматики уподобить словосочетание слову или фразеологическому единству со всеми вытекающими из этого уподобления заключениями.

Аналогичные воззрения на природу и характер словесных конструкций высказывались и ранее: в трудах М. В. Ломоносова, А. Х. Востокова, А. В. Добиаша, И. Риса, Л. В. Щербы и др.¹ Однако наиболее полное развитие учения о словосочетании как номинативной единице языка и строительном материале для предложения получило в новейших трудах по синтаксису акад. В. В. Виноградова² и в соответствующих разделах академической грамматики русского языка.

Авторы Грамматики не отрицают явлений взаимодействия словосочетания и предложения. Словосочетания не только используются для построения предложения, но в их число вступают новые типы и виды словосочетаний, выкристаллизовавшиеся в составе предложения. Однако, вычленившись из предложений, эти новые виды и типы словосочетаний «приобретают самостоятельное номинативное значение» (I, стр. 44). Таким образом, словосочетания образуются на основе синтак-

¹ Ср. В. П. Сухотин, Проблема словосочетания в современном русском языке, сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950.

² «Синтаксические взгляды профессора А. В. Добиаша» («Ученые записки [МГУ]», вып. 137, Труды кафедры русского языка, кн. 2, 1948); статьи: «Идеалистические основы синтаксической системы проф. А. М. Пешковского, ее эклектизм и внутренние противоречия», «Синтаксис русского языка» акад. А. А. Шахматова и «Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка» (в упомянутом выше сборнике «Вопросы синтаксиса современного русского языка»); «Вопросы синтаксиса русского языка в трудах М. В. Ломоносова по грамматике и риторике» («Р. яз. в шк.», 1950, № 2); «Синтаксические воззрения А. Х. Востокова и их значение в истории русского языкознания» (ИАН ОЛЯ, 1951, вып. 2); «Синтаксические взгляды и наблюдения академика Л. В. Щербы» («Ученые записки [МГУ]», вып. 150, 1952); «Вопросы изучения словосочетаний» (ВЯ, 1954, № 3); «Основные принципы русского синтаксиса в „Грамматике русского языка“ Академии наук СССР» (ИАН ОЛЯ, 1954, вып. 6).

сических качеств слов, принадлежащих к определенным частям речи, на основе присущих им форм сочетаемости с другими словами (стр. 13). Второй круг законов и правил, которыми определяются отношения слов в словосочетаниях, связан не столько с грамматическими и семантическими особенностями стержневого или господствующего слова, сколько со спецификой отношений между сочетающимися словами, выражаемых различными предложениями. Ср.: *отправиться на курорт, путевка на курорт; толпиться у театра, толпа у театра, колонны у театра* и т. п. Третий круг правил определяет связи слов, не только грамматически обусловленные, но и семантически не свободные, имеющие отношение к словам определенных семантических разрядов. Например, при помощи предлога *о* и формы предложного падежа зависимые существительные соединяются только с глаголами мысли, речи, отношения (*думать об отце, говорить о доме, беспокоиться о товарище*), а также с отвлеченными существительными соответствующего значения (*мысль об отце, разговор о доме, беспокойство о товарище*). Ср. также сочетания с инфинитивом: *готовый помочь, готовность помочь* и пр. Выделяются, наконец, правила, определяющие структуру непродуктивных лексически связанных словосочетаний, которые включают стержневые слова, семантически разнородные, но объединяемые одним и тем же способом раскрытия их лексического значения. Ср.: *участвовать в работе, в подготовке доклада, в борьбе*. Тот же способ характеризует «распространение» таких слов, как *стоять, нуждаться, разобраться* и пр. Отдельно рассматриваются фразеологически замкнутые связи слов (*с минуты на минуту, лицом к лицу, изю всех сил и мн. др.*).

Вполне обоснованно указание на то, что изучение взаимодействия, возникновение и развития разных типов и разрядов словосочетаний является одной из основных задач синтаксиса. Указание на связь и соотносительность словосочетаний разных типов по их стержневому элементу со словами определенных частей речи (глагол, имена, наречие) не вызывает возражений. Невозможно отрицать и явлений внутреннего взаимодействия разных типов словосочетаний, возникающего в предложении в соответствии с развивающимися потребностями общения. Тем не менее трудно представить себе словосочетания как «строительный материал» для предложений, как номинативное средство языка, подобное или равное отдельному слову, условия «распространения» которого будто бы и являются единственным фактором образования словесных конструкций.

«Распространение» или «распространяемость» отдельного слова не является единственной причиной образования разнообразных синтаксических единств, определяемой внутренней, имманентной «способностью» данного слова присоединять к себе другие слова иных лексико-грамматических категорий. Оно само есть результат и проявление типических для данного языка в данную эпоху его развития способов выражения отношений и связей реальной действительности. При этом все эти формы и способы соединения слов возникают не сами по себе, а в составе предложения, в процессе развивающихся потребностей общения.

Невозможно доказать, например, внутренней необходимости распространения подавляющего большинства глаголов и имен существительных в формах косвенных падежей с предлогами (*работать при электрическом освещении, беседовать до вечера, ехать вдоль реки; меры к устранению недостатков, вода по пляж, скамья под яблоней, мобилизация масс на выполнение плана* и мн. др.). Все эти распространенные и продуктивные в русском языке сочетания с так называемыми «слабоуправляемыми» существительными (ср. также конструкции имен существительных с наречиями: *он немного художник, отчасти поэт*) возникают в предложении и отражают потребности выражения познаваемых связей и отношений между явлениями реальной действительности. Это тем более относится к так называемым однородным словосочетаниям (*день и ночь, война и мир, читать и писать*), в составе которых считать отдельные компоненты «распространением» других нет никаких оснований.

Если рассматривать словосочетания как «строительный материал» для предложения, как совокупность отложившихся в арсенале выразительных ресурсов языка номинативных единиц, то, естественно, возникает вопрос о возможности их перечисления или «инвентаризации», о создании «словаря словосочетаний». Но такого рода инвентаризация осуществима только в отношении окаменевших, устойчивых словосочетаний или фразеологических единств (*спустя рукава, сломя голову, собаку съел* и т. п.), уподобившихся отдельным словам, а также находящихся в процессе фразеологических превращений и преобразований. Что же касается свободных словосочетаний, то их словарно-инвентаризационное описание, разумеется, неосуществимо, а установление и описание т и п о в словосочетаний для данного языка в данную эпоху его развития не может рассматриваться как инвентаризация материала, поскольку виды и типы явлений — это не «материал», а лишь различные способы его классификации и обобщения.

Поскольку «словосочетание само по себе не имеет интонации сообщения и ему чужды соотносительные категории подлежащего, сказуемого и других членов предложения» (стр. 11), то, естественно, проблема так называемых предикативных сочетаний слов (сочетания подлежащего и сказуемого), по мнению автора «Введения»,

относится не к теории словосочетания, а к теории предложения. Это утверждение подкрепляется и своеобразным пониманием не только смысловой, но и формально-грамматической сторон словосочетания. «Конструктивные свойства словосочетания, — говорится во „Введении“, — чаще всего определяются морфологическим строем его господствующего, стержневого слова». Ср.: *сторонник мира, сторонника мира, стороннику мира* и т. д. (стр. 11). «Предикативное же сочетание слов спаяно в единство категориями лица, времени и наклонения и, будучи единицей сообщения, не является именованным, хотя и сложным» (стр. 13).

Не подлежит сомнению, что предикативные словосочетания резко отличаются по своей структуре и функциям в предложении от непредикативных словосочетаний, не выражающих сообщения или высказывания о действительности. Тем не менее, несмотря на тесную связь предикативных словосочетаний с предложением, невозможно, вслед за акад. А. А. Шахматовым, отождествлять эти далеко не всегда совпадающие явления. Сопоставив вырванную из контекста конструкцию *Они говорили...* и предложение *Они говорили о поезде к морю*, нетрудно заметить, что данная конструкция, рассматриваемая как элемент предложения, лишена интонационной законченности, а также полноты выражения предикативности — этих необходимых признаков предложения. Лишь в том случае, если данное предикативное словосочетание получит законченную интонацию сообщения, оно само станет предложением. Но этой способностью обладают, как известно, и некоторые непредикативные словосочетания. Ср.: *Замечательная погода!*, *Воды холодной!*, *Позвать сюда радиста!* Таким образом, предикативное словосочетание не может быть отождествляемо с предложением. Являясь лишь структурной основой, или «фундаментом», предложения, оно остается словосочетанием, пока не получит ведущих признаков предложения (интонации и полноты выражения предикативности) и не включится в речевой контекст как самостоятельное синтаксическое целое¹.

Нельзя считать достаточным и определение формально-грамматической стороны словосочетаний, как оно изложено в Грамматике. Собственная (или внутренняя) форма словосочетания — это те аффиксы и предлоги, которые выражают грамматическую связь (или зависимость одного из слов) между словами внутри данного словосочетания. Ср.: *читать книгу, председатель колхоза, сидеть у окна* и т. д. Что же касается надежных аффиксов стержневого слова, то они обычно выражают связь данного словосочетания с другими словами и словосочетаниями предложения и должны рассматриваться как внешние или несобственные к его форме. Ср.: *Со мной говорил сторонник мира, получено письмо от сторонника мира, сказал стороннику мира* и т. д.²

Учитывая необходимость изучать словосочетания не как изолированные, замкнутые в своих границах единства, а как тесно связанные между собой в предложении, находящиеся в «ценной зависимости» соединения или содружества словосочетаний, нельзя игнорировать роли внешней или несобственной формы, но невозможно и ограничивать ею понятие формы словосочетания вообще, поскольку отношения между словами в словосочетании выражаются не внешней, а как раз собственной или внутренней их формой.

*

В соответствии с общей характеристикой словосочетаний как «строительного материала» для предложений раздел «Словосочетание» в основной части издания хотя и отнесен к синтаксису, но не включен в раздел «Предложение», поскольку словосочетания, по мысли авторов, попадая в предложение, подвергаются, как отмечалось выше, изменениям и преобразованиям.

Значение данного раздела для развития современной русской, да и не только русской синтаксической науки трудно переоценить. Несмотря на отдельные частные недостатки, некоторую неполноту и неточность определений, представленные здесь богатейшие материалы и характеристики живых синтаксических конструкций современного русского языка впервые объединены в одно целое и описаны в стройной последовательности.

Спорный характер определения сущности или природы словосочетания в его отношении к слову и предложению не умаляет основных достоинств рецензируемого издания.

Порядок описания глагольных, именных и наречных словосочетаний, принятый в книге, представляет собой: а) общую структурно-функциональную характеристику данного типа словосочетаний (беспредложных и предложных) с приведением образ

¹ О соотношении и взаимодействии предикативных и непредикативных словосочетаний см. в упоминавшейся статье В. П. Сухотина «Проблема словосочетания в современном русском языке», стр. 163.

² В однородных словосочетаниях внешняя форма присуща каждому из компонентов: *Мы купили книгу и бумагу, написали брату и сестре, рисовали карандашом и тушью.*

пов или «моделей» и б) детальное описание всех словосочетаний данного типа по их составу и выражаемым ими общим и частным отношениям. При этом почти все устанавливаемые категории, группы и подгруппы иллюстрируются большим количеством примеров. Так, глагольные словосочетания с именами существительными (I, стр. 115—213) подразделяются на беспредложные и предложные; беспредложные, в свою очередь, группируются по надежу независимого существительного, предложные — по надежу и предлогам. Такой порядок описания словосочетаний представляется четким, последовательным и вполне обоснованным.

Углубленная и детальная характеристика структуры и функций словосочетаний в их богатстве и живом разнообразии оказалась возможной именно потому, что они изучаются и описываются не как вычленинный и отъединенный от предложения «строительный материал», а именно в составе предложения, как материал в действии, что не соответствует приведенному выше определению сущности словосочетания, а также вычлениению словосочетания из раздела, посвященного предложению. Данное несоответствие хотя и не нанесло особого ущерба в целом обстоятельному и всестороннему описанию словосочетаний, но, естественно, затруднило характеристику второстепенных членов предложения, поскольку авторам, писавшим о дополнении, определении и обстоятельствах с точки зрения традиционных представлений и схем, пришлось описывать те же явления и факты, которые рассматривались в разделе «Словосочетание».

Так, в главе «Дополнения при членах предложения, выраженных глаголами и предикативными наречиями», мы читаем: «При членах предложения — глаголах и предикативных наречиях, обозначающих чувства и восприятия, дополнение обозначает объект чувства, восприятия» (I, стр. 561). Приводятся примеры: *Люблю тебя, Петра творенье, Люблю твой строгий, стройный вид, Невы державное течение, Береговой ее гранит, Твоих оград узор чудесный, Твоих адумчивых ночей Прозрачный сумрак, Блеск безмунный...* (Пушк., Медв. всадник); *Жалко девочку сиротку Феклушу: Все-то жуют, а ты слюнки глотай ...* (Некр., Дядюшка Яков); *Несколько раз хотел встать и уйти, но сидел, удивленно слушая Лидию* (Горький, Жизнь Клима Самгина).

Более подробно об этих же конструкциях (без сочетаний с предикативными наречиями) говорилось в разделе «Словосочетание»: «Словосочетания второй группы обозначают такое воздействие на объект (предмет, явление, действие и т. п.), которое не имеет конкретно-материального («физического») характера. Зависимое имя существительное обозначает в них объект восприятия, высказывания, размышления, чувствования, морального воздействия и других действий, связанных с деятельностью интеллекта» (I, стр. 118).

Как видим, в разделе «Словосочетание» данный тип словесных конструкций представлен гораздо шире и богаче. Среди примеров мы находим такие предложения: *Мария Ивановна предчувствовала решение нашей судьбы...* (Пушк., Кап. дочка); *Читатель теперь легко поймет причину смущения, овладевшего дворцом Гаврилой...* (Тург., Муму) и мн. др.

Возникает вопрос: почему же в разделе «Дополнение» приводится лишь незначительная часть из того, что представлено и подробно описано в разделе «Словосочетание»? Можно было бы предположить, что авторы покажут разные виды преобразования словосочетаний в составе предложения, как об этом сказано во «Введении» (стр. 88). Но такого показа мы не обнаруживаем, да в этом и не было необходимости, поскольку в разделе «Словосочетание» данные конструкции приводятся в предложении, следовательно, уже в «преобразованном» виде.

Указав на недостатки и схематизм традиционного учения о второстепенных членах предложения, автор «Введения» дает, на наш взгляд, верное и продуманное определение сущности второстепенных членов: «Во второстепенных членах предложения как бы синтезируются, обобщаются по функции те же разнообразные грамматические отношения, которые обнаруживаются между словами в строе словосочетаний» (стр. 94). Это существенное указание, к сожалению, не получило должного развития в основной части издания. Здесь, как правило, только сводятся разнообразные словосочетания, выражающие сходные отношения, да и то, как мы видели, в далеко не полном, обедненном их составе. Никаких попыток обобщения и анализа сходных и различающихся явлений авторы не делают, что и создает впечатление крайне недостаточного описания структуры и функций тех же словосочетаний

*

Нет возможности более или менее обстоятельно описать достоинства и недостатки других разделов второго тома Грамматики, относящихся как к простому, так и к сложному предложениям. Это задача дальнейшего изучения и широкого обсуждения рецензируемого труда. Сделаем лишь в самой сжатой форме несколько замечаний по данным разделам.

1. Нельзя, разумеется, требовать, чтобы в таком монументальном обобщающем труде, посвященном наименее разработанному участку грамматики, каким является синтаксис русского языка, были бы представлены буквально все категории и явления в их многообразии и взаимодействии. Тем не менее вызывает недоумение отсутствие главы с описанием определенно-личных предложений (*Люблю тебя, Петра творенье...*, *Смотрю как безумный на черную шаль...*). В главе, относящейся к номинативным предложениям, содержится целый отдел, в котором представлены конструкции, по форме совпадающие с номинативными предложениями, но не являющиеся ими (II, стр. 70 и сл.). Многие параграфы и абзацы данного отдела начинаются словами: «К номинативным предложениям не относятся...» и т. д. Однако эти негативные характеристики, как правило, не сопровождаются указаниями на то, к какому же разделу надлежит отнести те или иные конструкции, что, естественно, порождает недоразумения.

Нет указаний на соотношение так называемых инфинитивных предложений и предложений безличных; сложных предложений с союзами и без союзов и пр. К сожалению, отсутствует глава, в которой обобщались бы многие ценные наблюдения над синтаксическими синонимами.

2. Не все определения и толкования являются достаточными и бесспорными. Это относится, например, к характеристике предложений двусоставных и односоставных, сложносочиненных и сложноподчиненных, к описанию функций придаточных предложений и пр. Разграничение двух типов предложения — двусоставных и односоставных, как известно, получило широкое распространение в руководствах, исследованиях и учебниках по синтаксису русского языка. Между тем ни в основных разделах второго тома Грамматики, ни во «Введении» мы не находим четких определений данных типов предложения, если иметь в виду их сущность и основы построения. Здесь наглядно проявляется недостаток углубленных исследований, что признают и сами авторы (см. стр. 73 «Введения»).

Определяя сущность и особенности сложносочиненных предложений, авторы указывают на то, что элементы этих предложений образуют «в своем сочетании структурно-синтаксическое и смысловое единство» (II, стр. 177). Аналогичное указание почему-то отсутствует в определении сложноподчиненных предложений.

3. Как отмечалось выше, далеко не все из того, что определено и развито во «Введении», подтверждается и реализуется в основной части издания. Так, во «Введении» справедливо подчеркивается слишком общий характер и недифференцированность трех типов функций падежей существительного (объектные, определительные и обстоятельственные). В языке наблюдаются «самые разнообразные виды переплетения, взаимодействия и взаимоперехода этих функций, т. е. возможны переходные типы» (стр. 8).

Опираясь на структурно-семантические особенности живых и распространенных в языке словосочетаний, авторы говорят об определительно-временных (*прогулка вечером*), определительно-пространственных (*еда полев*) и некоторых других отношениях переходного типа (I, стр. 244 и др.), об оттенках значения (I, стр. 243 и др.), об особых функциях: происхождения (*апельсины из Грузии*), отношения к материалу (*ограда из камня*), выделения предмета (*отрывки из сочинений*) и пр.

Тем не менее обобщение этих живых, определяемых фактическим материалом отношений и функций чаще всего не выходит за пределы упомянутых выше отвлеченных категорий. В результате остаются недостаточно расчлененными и дифференцированными многие функции, обусловленные составом и формой тех или иных беспредложных и предложных словосочетаний. Так, словосочетания *рубить топором*, *дать рубенку*, *начать с рисования*, *говорить с братом*, *приняться за работу* и многие другие оказываются объединенными в группе словосочетаний, выражающих объективные отношения. Правда, почти каждый из перечисленных типов словосочетания сопровождается уточняющими пояснениями и примечаниями. Тем не менее, поскольку эти пояснения не обобщены, не соотнесены друг с другом и не сведены в более или менее дифференцированные и выразительные правила, остается впечатление пестроты и множества разнообразных значений в составе весьма общих категорий объекта, определения и обстоятельности.

На стр. 104 «Введения» убедительно критикуется распространенная в наших грамматиках характеристика структуры и значения так называемых придаточных подлежащих и придаточных сказуемых: «... тут механически объединены структурно разнородные виды сложных предложений» (стр. 105).

К сожалению, эти верные критические замечания не учтены должным образом в основной части Грамматики. Материалы, относящиеся к разделам придаточных подлежащих и придаточных сказуемых (II, стр. 294 и 298), по своему толкованию и иллюстрациям мало чем отличаются от общеизвестных определений.

В результате среди сложных предложений с придаточными подлежащими оказываются и такие предложения, как *неизвестно, есть ли, нет ли; Было слышно, как прошумела машина* и др. (II, стр. 296), которые относятся к безличным и в которых нет и не может быть подлежащего (ср. II, стр. 28 и сл.).

Во «Введении» далее приводятся веские доказательства того, что «традиционная аналогия между так называемыми придаточными предложениями и членами простого

предложения, проводившаяся прежде, а иногда проводимая и теперь с неуклонной и односторонней прямолинейностью, на самом деле может иметь лишь очень ограниченное и условное применение» (стр. 103). Сравнительные, условные, следственные, уступительные и некоторые другие придаточные предложения вообще не могут быть соотношены со второстепенными членами предложения. Так называемые придаточные дополнительные в большинстве случаев раскрывают содержание тех или иных элементов главного предложения, а при именах существительных и местоимениях оказываются ближе по своим функциям к определениям, нежели к дополнениям. В связи с этим основной задачей изучения сложных предложений является не отыскивание их параллелизма с членами простого предложения, а по возможности, «точная грамматическая характеристика их структуры и определение их типов и групп, отличающихся друг от друга как по выражаемым ими отношениям, так и по особенностям их структуры» (стр. 105).

Между тем, описывая разные типы сложноподчиненных предложений, авторы соответствующих разделов и глав как бы забывают об этих весьма существенных положениях «Введения» и частенько опираются на сформулированное ими же утверждение, что придаточное предложение будто бы «может выполнять по отношению к главному предложению ту же функцию, какую в простом предложении выполняет тот или иной его член, главный или второстепенный» (II, стр. 270). Несмотря на то, что данное утверждение не имеет категорического характера («*м о ж е т* выполнять»), тенденция к удоблению придаточных предложений элементом простого предложения проявилась как в группировке синтаксических конструкций, так и в характеристике их структурных особенностей и значения. В результате сходные по структуре и функциям сложноподчиненные предложения оказались искусственно разъединенными, и, наоборот, разнородные образования в ряде случаев не расчленились.

Так, в предложениях *Говорят, будто бы он принимал на себя не одни адъютантские обязанности...* (Тург., Два помещика) и *В телеграмме не было сказано, по какому делу его выважат в Москву* (Баб., Кавалер Зол. зв.) подчиненные или придаточные части функционально близки: ими раскрывается содержание сообщения, выраженного сказуемыми главных предложений. Однако именно по функциям эти предложения отнесены в разные категории: первое — в категорию сложноподчиненных предложений с придаточными дополнительными (II, стр. 282), второе — с придаточными подлежащими (II, стр. 296). Значительную роль, видимо, в данном случае сыграла возможность подставивши вопросов (говорят о чем? сказано что?). Но и этот, как известно, не оправдавший себя прием дифференциации второстепенных членов предложения и, соответственно, придаточных предложений не выдерживается в книге. В том же разделе сложноподчиненных предложений с придаточными дополнительными встречаются такие конструкции, как *Юлия Дмитриевна, начальник велел, чтобы вы никуда не уходили* (Панова, Спутники) (II, стр. 286), в которых придаточное не отвечает ни на один из вопросов косвенных надежд — вопросов, служащих для отнесения слов и синтаксических конструкций к дополнительным. (Ср. соответствующее простое предложение: *...начальник велел вам никуда не уходить*, где соотносящийся с придаточным инфинитив является частью сложного сказуемого.)

4. Наряду с обоснованными и не вызывающими возражений толкованиями различных синтаксических явлений и категорий, в книге встречаются такие нововведения и правила, которые вряд ли следовало допускать без предварительного изучения фактического материала. Во второй части тома впервые появляется глава «Вставные предложения, слова и сочетания слов» (стр. 167). Не говоря уже о недостаточном четком ограничении приведенного в этой главе материала от вводных слов, сочетаний и предложений, следует указать на то, что весьма сходные по структуре и функциям со «вставными» предложениями встречаются в разделе «сложноподчиненные предложения» (ср., например, стр. 352 и сл.). Так, в предложении *Мало того, всем показывала... письмо... и давала снимать с него копии (что, мне кажется, уже и лишнее)* (Дост., Прест. и наказание) подчеркнутая часть рассматривается как «вставное» предложение (II, стр. 173). Между тем точно такие же синтаксические построения приводятся в группе сложноподчиненных предложений с придаточными подчинительно-присоединительными. Ср.: *Ямщику вздумалось ехать рекою, что должно было сократить нам путь тремя верстами* (Пушк., Метель) (II, стр. 352) и т. п. Вряд ли можно считать обоснованным включение сложноподчиненных предложений с придаточными меры и степени в группу предложений с придаточными следствия (II, стр. 341).

Эти и подобные им изменения и дополнения, не вызванные необходимостью, не могут способствовать обогащению нашей синтаксической теории, развитию необходимых исследований и установлению новых, соответствующих языковой действительности правил.

5. Немало замечаний можно было бы сделать в связи с классификацией синтаксических явлений по членам предложения, по типам простых, сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, в связи с определением выражаемых ими отношений и пр. Нельзя согласиться, например, с отнесением к одной группе сложных сказуе-

мых, состоящих из личной формы модального глагола и примыкающего к нему инфинитива, самых разнообразных конструкций, которые поименованы единым, но явно недостаточным и не охватывающим их функций термином «волеизъявление». Ср. словосочетания с глаголами *хотеть, желать, намереваться, решаться, стараться, мечтать* и др. (I, стр. 413). В то же время инфинитив с глаголом *уговорится, договорится, посоветовать* почему-то рассматривается как дополнение (I, стр. 567). Крайне недостаточно определяются внутренние различия в значениях обстоятельств (места, времени и др.), выражаемых наречиями, существительными в косвенных падежах с предлогами, без предлогов и т. д. Между тем даже в пределах одного и того же структурно-семантического типа обстоятельственных конструкций эти различия весьма существенны. В предложении *На севере диком стоит одиноко на голой вершине сосна* предложно-именная конструкция *на севере* представляет собой общее обозначение пространства и относится ко всему предложению в целом, тогда как словосочетание *стоит на вершине* имеет более конкретное значение (нахождение на поверхности предмета). Все эти разновидности и оттенки не отмечаются при описании второстепенных членов предложения, а соответствующие образования, без оговорок и примечаний, приводятся в общей группе *сбстоятельств места* (I, стр. 581 и сл.).

Отдельные неточности, недосмотры и ошибки встречаются и в других разделах этого обширного и содержательного издания. Можно не сомневаться в том, что в результате тщательного анализа и широкого обсуждения второго тома «Грамматики русского языка» все эти недостатки будут обнаружены и устранены при последующих переизданиях.

В целом книга принесет несомненную пользу делу изучения синтаксического строя русского языка и может быть оценена как новое значительное достижение советской лингвистической науки.

М. М. Никитина и В. П. Сухотин

ДВЕ НОВЫЕ БИБЛИОГРАФИИ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

[Н. С. Авилова, Е. Т. Черкасова и Н. Ю. Шведова (рук-ов.)] **Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию с 1825 по 1880 год. Вып. 1. Русский литературный язык. Грамматика и словообразование, фонетика, орфография; графика, орфография, пунктуация.** [Гл. ред. В. В. Виноградов.] М., Изд-во АН СССР, 1954. 203 стр. (Ин-т языкознания АН СССР.)

[О. И. Лысяк и Е. С. Венецианова.] **Русский язык. Указатель литературы за 1950—1953 годы.** [Под ред. Ф. П. Сороколетова.] Л., 1953. [Вышла в свет в 1954 г.] 63 стр. (Гос. ордена Трудового Красного Знамени Публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.)

Советское языкознание обогатилось в прошлом году двумя ценными библиографическими пособиями, появление которых, несомненно, положительно скажется на лингвистической работе в СССР.

Достижения советской филологии в деле изучения русского языка велики и общеизвестны, между тем как вспомогательно-библиографические материалы для научной работы языковедов-русистов крайне скудны. До настоящего времени у нас нет ни одной удовлетворительной обобщающей или даже частной библиографии по русскому языку. Все, что мы имели до сих пор, методически крайне несовершенно и устарело.

Первые, заслуживающие внимания, хотя и не преследовавшие научных целей попытки учесть отдельно изданные работы по русской филологии находятся в библиотечных или книгопродавческих каталогах, в «Росписи российским книгам для чтения из библиотеки В. [А.] Плавильщикова...» (ч. III—Словесность. Языкоучение, СПб., 1820, стр. 309—324) и в «Росписи российским книгам для чтения из библиотеки Александра Смирдина...» (ч. IV, Языкознание, СПб., 1828, стр. 439—472) и др., а для более позднего времени — в «Систематическом каталоге русских книг, продающимся в книжном магазине А. Ф. Бузунова», составленном В. И. Межовым (СПб., 1869, стр. 633—670; здесь указаны также и рецензии, помещенные в периодических изданиях с 1825 по 1869 г.)¹. Тому же В. И. Межову принадлежал почин учета текущей русской литературы по языкознанию: в 1860 г. в «Филологических записках» А. А. Хованского он напечатал «Библиографический указатель вышедших в 1859 г. в России книг и статей по части языкознания», изданный и отдельным оттиском (Воронеж, 1860, 19 стр.), а в 1862—1863 гг. там же был помещен аналогичный указатель языковедческой

¹ Каждый из указанных каталогов имел дополнения («прибавления»), в которых перечислялись вновь вышедшие книги в том числе и по языкознанию.